

ДИАЛОГ И СОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ*

*Г.М. КУЧИНСКИЙ, доктор психологических наук, профессор кафедры
юридической психологии Минского института управления*

В статье представлены основные результаты проведенных нами исследований речевого общения человека с другим человеком и с самим собой. Большое внимание уделено теоретическому и методологическому анализу единиц монологического и диалогического общения. Описано многообразие форм речевого общения, возникающих на основе ограниченного количества его элементарных форм (элементарных циклов взаимодействия). Дано обоснование подлинности внутреннего диалога, его принципиального сходства с диалогом внешним. Намечен новый подход к проблеме второго субъекта в структуре внутреннего диалога и, соответственно, к проблеме социальной природы мышления.

Рассмотрены наиболее существенные особенности диалогического текста. В частности, показано, что диалогический текст, в отличие от монологического, является специфической формой сохранения взаимодействующих смысловых позиций и материальной основой полицентрического сознания.

Ключевые слова: личность, общение, диалог, внутренний диалог, диалогический текст, полицентрическое сознание.

Чем сложнее изучаемый объект, тем большее значение приобретает правильное методологическое обеспечение исследования. Эту идею активно развивал Л.С. Выготский, который прекрасно понимал важность выбора метода, адекватного исследуемому явлению, и поэтому настаивал на существовании двух принципиально разных способов анализа. Первый способ приводит к разложению психического целого на элементы, которые не содержат в себе свойств, присущих целому как таковому. Это значит, что, разлагая целое на элементы, мы его утрачиваем. Во втором случае выделяемые единицы представляют собой далее неразложимые части целого, которые сохраняют все его основные свойства. Согласно Выготскому, такой единицей анализа речи является слово, единицей анализа мышления – акт обобщения, а единицей анализа речевого мышления – внутренняя сторона слова, т.е. его значение. Как поясняет Выготский, любое слово относится не к одному предмету, а к целому классу предметов и, следовательно, каждое слово не только обозначает предметы, но и обобщает их. Поэтому значение слова – это и речь, и мышление одновременно. Соответственно, основным методом изучения значения слова оказывается семантический анализ [1].

В дальнейшем Выготский смог дать новую формулировку проблеме «речь и мышление», а именно: «общение и обобщение», «коммуникация и мышление» [1]. Если индивид желает сообщить нечто новое своему партнеру по общению, то у него есть одна возможность – найти у этого нового общее с тем, что уже известно партнеру, т.е. осуществить обобщение. Таким образом, общение предполагает обобщение. Но верно и обратное. Обобщение нуждается в общении и в созданных для этого знаках, так же как и в передаваемых этими знаками значениях.

Как уже отмечалось, Выготский не обходит стороной и речевое общение. Однако нами несколько неожиданно обнаруживается, что ученый не рассматривает специально вопрос о единицах анализа речевого общения и исследование речевого общения как особого психического феномена не проводит. Точнее, анализ речевого общения сводится им к анализу речи. Иными словами, происходит своеобразное отождествление речи и речевого общения. Соответственно, единицей анализа речевого общения для Выготского осталось слово. Вместе с тем, сведение речевого общения как целого к одной из своих частей не является бесспорным.

* Статья поступила в редакцию 12 мая 2008 года.

Идея поиска новых единиц анализа речевого общения возникла у нас под влиянием концепции диалога М.М. Бахтина, который широко использовал именно анализ речевого общения по единицам. В качестве универсальной единицы для всех форм речевого общения (и монологического, и диалогического) им было выделено высказывание [2]. Основными характеристиками высказывания как единицы речевого общения (в отличие от предложения, например) Бахтин считал адресованность, т.е. указание на того, кому высказывание предназначено, завершенность, позволяющую партнеру занять свою ответную позицию, а также интонационно-смысловое единство высказывания и его жанровую определенность [3]. В то же время у Бахтина (Волошинова) [2] можно найти суждения о том, что подлинной единицей **диалога** является диалогический минимум, образуемый **двумя** диалогически соотнесенными высказываниями.

Исследование показало, что структурной единицей диалога как процесса субъект-субъектного взаимодействия является элементарный цикл, образованный двумя взаимосвязанными, сопряженными высказываниями партнеров. Каждое из этих высказываний выполняет одну коммуникативную функцию, причем эти образующие элементарный цикл высказывания соотнесены так, что без высказывания, открывающего цикл, не может быть осуществлено высказывание, завершающее данный цикл (например, ответ не может появиться, если нет соответствующего вопроса). В каждом элементарном цикле обозначены и тема речевого общения (о чем идет речь?), и смысловые позиции партнеров (что говорится о теме (?)).

Выбор в качестве структурной единицы речевого общения подобного элементарного цикла взаимодействия позволяет решить задачу достаточно полного описания многообразия форм речевого общения человека с человеком на основе минимального количества исходных структурных единиц. Установлено, что исходными, первичными, элементарными циклами речевого общения являются циклы «сообщение – отношение к нему», «вопрос – ответ», «побуждение к действию – его выполнение». Многообразие вторичных, производных, сложных форм речевого общения возникает на базе выделенных элементарных циклов за счет их одно- и многократного чередования, включения

друг в друга или пересечения. Именно существование определенных способов развертывания бесконечно сложных форм речевого общения из этих элементарных циклов позволяют утверждать, что выделенные элементарные циклы представляют собой первичные, исходные формы диалога [4].

Вместе с тем, многообразие основных, типичных форм речевого общения к диалогу не сводится. Наряду с диалогом к ним, на наш взгляд, следует отнести еще простое реплицирование, внешний монолог и псевдообщение. Подчеркнем, что в разработанной в данном исследовании системе основных, типичных форм речевого межличностного общения наиболее существенная смысловая граница разделяет псевдообщение и общение подлинное. В основе их различия – оценка интенсивности, действительности или, напротив, ослабленности осуществляемого с помощью речи взаимодействия. Когда же берется действительное, т.е. достаточно выраженное взаимодействие, необходима новая граница, отделяющая общение монологическое от общения диалогического. В первом случае имеет место такое взаимодействие реальных собеседников, в ходе которого в речевой форме выражена смысловая позиция лишь одного из партнеров. Во втором случае в речевой форме, в форме диалогически соотнесенных высказываний выражены смысловые позиции, точки зрения каждого из участников взаимодействия. И, наконец, в монологическом общении следует различать внешнее простое реплицирование и внешний монолог, поскольку, полагаем, использование понятия «внешний монолог» по отношению к речевому общению, реализованному одним простым высказыванием (например, «Осторожно!») является некорректным.

В ходе взаимодействия человека с человеком речевое общение может изменить свою форму. Существуют прямые и обратные переходы выделенных типичных форм речевого общения друг в друга. Ограничение динамики речевого общения процессами его диалогизации-монологизации не адекватно богатству его возможных изменений. Как показало проведенное нами исследование, на разных временных отрезках процесса общения двух испытуемых, совместно решающих одну задачу, это общение может становиться типичным диалогом, затем монологизироваться, упрощаться до уровня простого реплицирования или даже становиться

очевидным псевдообщением. Порядок следования в процессе общения его типичных форм может быть любым [5].

В проведенном нами исследовании установлено также, что речь одного говорящего может быть практически неотличима от разговора двух реальных собеседников. Различия между ними часто обусловлены лишь тем, что во втором случае явно слышны два голоса, отличающиеся друг от друга своими акустическими и иными внешними особенностями. Эти и им подобные факты убеждают в том, что, наряду с речевым общением человека с другим человеком, существует и производное от него, вырастающее на его основе и сравнимое с ним по многообразию своих форм общение человека с самим собой. Основными формами данного общения являются «простое внутреннее реплицирование», «внутренний монолог», «внутренний диалог» и «псевдообщение», аналогичные соответствующим формам общения человека с другим человеком.

Внутренние диалоги могут быть реализованы как с помощью внутренней, так и внешней речи. Существует динамика форм аутообщения, переходы одних типичных форм в другие. Общение человека с другим человеком может осложняться за счет одновременного развертывания описанных выше форм общения человека с самим собой. Следует подчеркнуть наличие тесных взаимосвязей и многочисленных взаимопереходов между формами внешнего и внутреннего общения.

Выявленное многообразие форм общения человека с самим собой, существование наряду с внутренним диалогом и внутреннего монолога, и внутреннего простого реплицирования, и псевдообщения не позволяет отождествить внутреннюю речь и внутренний диалог. При сопоставлении этих понятий следует учесть и то, что внешняя речь, адресованная другому реальному собеседнику, доступная его восприятию и пониманию, доступна, кроме того, восприятию и пониманию самого говорящего. Речь говорящего, обращенная к реальному собеседнику, может одновременно обслуживать и процесс общения человека с самим собой, включать достаточно сложные внутренние диалоги. Следовательно, внутренняя речь может быть не только внутренним диалогом, а средством реализации внутреннего диалога может быть, кроме внутренней, еще и внешняя речь.

Многообразие внутренней речи как средства реализации внутреннего диалога определяет и многообразие его конкретных форм. Внутренний диалог может быть диалогом «чистых мыслей» (когда различные смысловые позиции выражены в виде обычных слуховых представлений), «диалогом голосов» (когда он реализуется речью произносимой или речью, воспроизводимой в форме эйдетических представлений) и «диалогом персонажей» (если участвующий во внутреннем диалоге голос сопровождается и соответствующими зрительными представлениями). Возможны и смешанные формы внутреннего диалога. Во всех подобных случаях внутренний диалог – это взаимодействие двух различных смысловых позиций, выражаемых речью одного говорящего, в отличие от внешнего диалога, в котором одна смысловая позиция создается речью одного партнера.

Наряду с теми действиями, которые совершает индивид с познаваемым предметом, внутренний диалог является обязательным компонентом продуктивного мыслительного процесса. Есть все основания утверждать, что мышление представляет собой особый синтез форм субъект-объектного взаимодействия (предметных действий) и субъект-субъектного взаимодействия (внутреннего или внешнего диалога). В тех случаях, когда задача решается «в уме», речевой формой умственного действия и диалога становятся, соответственно, монологическая речь и речь диалогическая. В подобных случаях процессы диалогизации-монологизации речевой формы мыслительного процесса обеспечивают интеграцию конкретных диалогов и действий в единый мыслительный процесс. Чем сложнее мыслительный процесс, чем он более продуктивный и творческий, тем более развернутый и сложный внутренний диалог включает он в качестве своего обязательного компонента.

Таким образом, выделенные Выготским единицы анализа речи, мышления и речевого мышления, его формулировка проблемы «общение и обобщение» позволили нам сформулировать вопрос о единицах речевого общения и от проблемы «мышление и речь» перейти к исследованию проблемы «диалог и мышление». Включение диалоговых форм субъект-субъектного взаимодействия в структуру мыслительного процесса индивида открывает новые смысловые перспективы в понимании социальной детерминации

данного мыслительного процесса. Экспериментальное исследование совместного (парами) и индивидуального решения мыслительных задач показало, что по своей сложности внутренние диалоги могут не уступать диалогам внешним.

Если общение личности ограничить только ее взаимодействием с реальными собеседниками, то для каждой конкретной личности общение будет чем-то внешним, лишь извне влияющим на ее сознание, состояние, поведение. В то же время признание реальности внутреннего диалога существенно меняет подобное соотношение. Общение оказывается фактом не только внешнего, но и внутреннего мира личности, так как внутренний диалог принадлежит личности, он как бы в ней самой. Социальное окружение оказывается не только вокруг личности, но и внутри ее. Внутренний диалог, принадлежа внутреннему миру личности, одновременно является обязательным компонентом сложных форм общения человека с другими реальными индивидами. Он принадлежит и общению, и личности, образует точку подлинного пересечения этих двух сфер, точку их подлинного единства.

Ключ к пониманию и внешнего, и внутреннего диалогов – в существовании потребности личности в общении. В частности, оценка жизненной ситуации на основе модели потребного личности общения может выявить дефицит «положительного», необходимого личности общения или избыток «отрицательного», нежеланного, вынужденного, навязанного личности общения. Оба эти случая определенным образом влияют и на поведение личности по отношению к реальным индивидам, составляющим его социальное окружение, и на поведение личности во внутреннем диалоге. Внутренний диалог компенсирует как дефицит «положительного», так и избыток «отрицательного» общения личности с реальными собеседниками.

Сформулированная гипотеза подтверждается анализом общения детей со взрослыми и сверстниками и их вербального поведения вне непосредственного взаимодействия с ними. Данной гипотезе хорошо соответствуют материалы личных дневников, равно как и материалы по совместному решению мыслительных задач. Испытуемые не только ищут общения с партнерами, но, нередко, уклоняются от него. В каждый момент совместного решения испытуемые как бы стоят перед выбором между внешним или внутренним диалогом и осуществляют этот

выбор в зависимости от того, какая из этих форм общения больше соответствует модели общения, необходимого личности в данной конкретной ситуации совместного решения [4].

Компенсаторные функции внутреннего диалога проявляются на всех этапах реального общения, начиная от подготовки к нему и кончая отдаленными личностными реакциями на те или иные эпизоды реального общения. Существуют характерные соответствия между функционально-ролевыми структурами внутреннего и внешнего диалогов. Социальная аудитория внешнего диалога в наиболее простых случаях может полностью воспроизводиться во внутреннем диалоге. В других случаях функционально-ролевая структура внешнего диалога при ее воспроизведении во внутреннем диалоге претерпевает значительные, но вполне закономерные трансформации. Об этом свидетельствует, в частности, сопоставление персонажей и голосов сновидений и тех реальных диалогов, которые им предшествовали и предопределили их возникновение.

Внутренний диалог обладает и разнообразными защитными функциями, суть которых состоит в сохранении смысловой позиции личности, обеспечении ее устойчивости к влияниям со стороны других субъектов, поддержке самостоятельности, автономности личности.

Выбирая в качестве единиц анализа слово, обобщение, значение, Выготский автоматически исключает из анализа речи и мышления и автора этой речи, и его партнеров по общению. Если же взять не речь, а речевое общение, не слово, а высказывание и циклы, то вместе с отношениями между высказываниями появится и отношение говорящего к своему и чужому слову, отношение к себе и к другому. Слово станет двухголосым, отражающим в своих особенностях не только некоторое предметное содержание, но и специфику диалогического взаимодействия.

Признание подлинности внутреннего диалога означает, что содержание понятия «диалог» должно, наряду с традиционными диалогами реальных собеседников, охватывать и внутренние диалоги. Внешние диалоги иногда обозначают термином «интерсубъектные». Тем самым уже в названии дается ответ на вопрос об авторах и исполнителях внешнего диалога. О внутреннем же диалоге приходится говорить, что он интрасубъектный, внутрисубъектный. Но

ведь диалог — это взаимодействие, а во взаимодействии как процессе всегда должны быть как минимум две взаимодействующие стороны. Следовательно, необходимо выделить внутри индивида такие образования, которые представляли бы собой взаимодействующие стороны его внутреннего диалога и одновременно были бы сравнимы с субъектом по функциям, выполняемым в диалоге. Такими сторонами, взаимодействующими во внутреннем диалоге субъекта, являются воспроизводимые им смысловые позиции. При прослушивании диалога собеседников с неразличимыми, как бы одинаковыми голосами нельзя отличить фрагменты, где говорят оба собеседника, от фрагментов, где записана речь одного говорящего, но можно отграничить фрагменты речевого общения, в которых выражены две различные смысловые позиции, два различных понимания того, о чем идет речь, от фрагментов речи, выражающих одну смысловую позицию, одно понимание. Таким образом, в речи одного говорящего может быть обнаружена не только одна, но, по крайней мере, две различные взаимодействующие смысловые позиции.

В диалоге реальных собеседников взаимодействие двух различных смысловых позиций по поводу обсуждаемой темы собеседников — факт очевидный. Что же касается внутреннего диалога и существования как минимум двух взаимодействующих смысловых позиций, пониманий в речи одного говорящего, то подобную возможность следует дополнительно прояснить.

В речевом взаимодействии собеседников говорящего всегда ждет ответ. Этот ответ, как пишет Бахтин, может быть и речевым, и неречевым. В первом случае для прояснения сути ситуации Бахтин вводит понятие «чужая речь» и описывает взаимодействие партнеров по общению через взаимодействие чужой и собственной речи. Это взаимодействие может стать подлинным диалогом. Но для нас в данный момент особенно важно, что без способности каждого из участников речевого взаимодействия воспроизводить чужую речь в собственной речи диалог невозможен.

Можно механически озвучить какой-то текст, озвучить так, как он механически запомнился. Можно усвоить смысл текста, понять его содержание и воспроизводить его своими словами. Возможен и еще более высокий уровень воспроизведения чужой речи в собственной. Он

основан на понимании не только того, что сказал, но и того, что мог бы сказать партнер, а также на понимании того, что он не мог сказать, так как это не соответствовало бы его смысловой позиции, его точке зрения по поводу обсуждаемой темы.

С учетом изложенного становится понятным, что у детей развивается не только способность говорить, как способность выражать свои мысли, свое понимание, свои эмоции и т.п., но развивается и способность понимать Другого, в той или иной форме воспроизводить его смысловую позицию, его речь (чужую для себя).

Из сказанного следует, что в диалоге реальных собеседников для каждого его участника есть своя речь и речь другого — чужая речь. Есть две смысловые позиции. Каждый развивает свою смысловую позицию. А внутренний диалог образуется взаимодействием как минимум двух различных смысловых позиций, но эти позиции воспроизводятся одним говорящим. Его речь в процессе произношения может быть своей, выражающей собственную смысловую позицию, и может быть «чужой», выражающей чужие (не свои) мысли, чужое понимание. В этом случае говорящий — один, а смысловых позиций две. Одна из них создается с помощью воспроизводимой говорящим чужой речи.

Отметим также, что смысловая позиция — это смыслопорождающий центр, а не готовое, завершенное представление, понимание. Это некая схема понимания предмета, модель его представления и интерпретации. Все касающиеся предмета детали, подробности, все пропуски, неясности восполняются на основе смысловой позиции, в соответствии с ней, как бы ей самой.

Общение, особенно диалогическое, всегда сопровождается формированием у человека образа партнера по общению, партнера по диалогу. В данном образе другой предстает, прежде всего, не как та или иная внешность или телесная организация, а как определенный внутренний мир, определенное сознание, как некий смыслопорождающий центр, проявляющий себя в том или ином вербальном поведении в ходе взаимодействия с другими лицами. Образ партнера по диалогу — это образ другого как субъекта диалога, как «говорящего бытия» (М.М. Бахтин).

Накапливаемый в процессе речевого общения социальный опыт индивида не сводится к пассивному отражению в его сознании некоторого множества собеседников. Данный опыт

обобщается, типизируется, трансформируется в своеобразные модели того, что говорили и что могли бы говорить собеседники в различных ситуациях взаимодействия.

Наличие конкретных и обобщенных, индивидуализированных и типизированных образов других индивидов как субъектов диалога является основой присущей человеку способности осуществлять диалогическое взаимодействие не только во внешнем, материальном, но и во внутреннем, идеальном плане. Следовательно, не только внешняя, но и внутренняя речь имеет свою социальную аудиторию. Более того, не только внешняя аудитория активно реагирует на собственную речь говорящего своей чужой ответной речью. Чужая речь отвечает и на внутреннюю речь говорящего. Это обеспечивает смыслопорождающий центр, моделирующий, воспроизводящий, предвосхищающий чужую для автора внутренней речи смысловую позицию.

Таким образом, способность участвовать в диалоге, как во внешнем, так и во внутреннем, предполагает кроме всего прочего и способность воспроизводить чужую речь в собственной, иную смысловую позицию с помощью дополнительного относительно автономного смыслопорождающего центра. Для существования диалога необходимо наличие диалогизированного сознания у каждого из участников диалога. Диалог не может быть образован суммой двух монологов. Носителем, способом, формой существования диалогического сознания является **диалогический текст**.

По своей сути, сознание – это процесс непрерывно меняющегося, возобновляющегося понимания, толкования, осмысления, осознания, постоянного продуцирования смысла. Но смысла, значения, как уже не раз говорилось, нет без знака, а знак не существует вне общения, вне субъект-субъектного взаимодействия. Иначе говоря, сознание как смыслопорождающий процесс предполагает минимум двух субъектов. Если далее исходить из того, что внутренняя коммуникация развивается под влиянием внешней, за счет ее интериоризации, то будет ясно, что, по крайней мере, вербальное сознание следует рассматривать вместе с формами вербального общения, т.е. формами диалогического или монологического общения. Но это означает, что и монологическое, и диалогическое общение предполагает минимум двух субъектов. Более того, если считать, что внутреннее

общение возникает из внешнего, а монологическое общение развивается на базе достаточно развитого диалогического общения, то окажется, что более загадочным является монологическое сознание и монологическое общение, чем полицентрическое сознание и диалогическое общение. Но если любое общение предполагает минимум двух субъектов, то в чем же тогда специфика именно диалогического общения и диалогического текста по сравнению с монологическим общением и монологическим текстом? В чем все же принципиальные особенности диалогического общения и его обязательного компонента – диалогического текста как основы, формы полицентрического сознания?

Дело в том, что, когда мы утверждаем, что любая форма вербального общения, т.е. и монолог, и диалог, предполагает как минимум двух субъектов, грань между этими формами не стирается. Эта грань остается и определяется тем, что в диалоге второй субъект не только воспринимает речь первого, переживает, понимает и каким-то образом на нее реагирует. В диалоге реальных собеседников он не только слушает, но и говорит. И вместе с первым они создают один общий текст. Один диалог всегда представлен одним текстом. Но у такого текста не один, а два и более авторов. Каждый вносит свой вклад в создание единого для всех участников словесного текста диалога. Таким образом, в диалоге по очереди говорят все его участники. Именно этой принципиальной особенностью отличается диалог от монологических форм общения. Существенно, что каждый участник диалога может создавать и изменять текст диалога по своему усмотрению, развивая его в том или ином направлении. В подлинном диалоге его участники независимы друг от друга, и поэтому текст такого диалога никогда не зависит только от одного из партнеров.

Диалог – это взаимодействие, опосредствованное диалогическим текстом, который так устроен, что развиваемые в процессе диалога смысловые позиции не смешиваются, а сосуществуют, дополняя друг друга, и выстраиваются так, что если убрать вторую позицию, первая тоже исчезнет, станет непонятной. В диалоге эти позиции взаимосвязаны и как бы оттеняют одна другую. Они как свет и тень создают контраст – *границу*, которая и объединяет, и разъединяет их. Каждый говорящий эту границу хорошо

чувствует. Каждый знает свою территорию, свою позицию и развивает ее, используя, в том числе не только свою речь, но и чужую, пристраиваясь к ней, изменяя ее, отрицая и т.п. Но при этом он строит свою позицию и сохраняет (обозначает, усиливает) границу между смысловыми позициями участников диалога. Это и есть основная особенность диалогического текста – взаимодействие и сосуществование различных смысловых позиций в рамках единого текста, не слияние их или взаимоуничтожение, а подчеркивание, усиление каждой представленной в диалоге позиции. Возможно поэтому любой диалогический текст, во всяком случае создаваемый устной речью, нельзя исправить. Его можно дополнить исправлениями, можно сказать «я ошибался», но ранее сказанное из текста убрать нельзя. Отрицаемое все равно остается в устном тексте диалога.

Но и это не все. Если сравним диалогическое общение с монологическим, то поймем, что в монологическом общении слушающий может кивать головой, пожимать плечами и т.п., но эти знаки не добавляют ничего существенного к структуре создаваемого вербального текста, образуемой взаимодействующими смысловыми позициями и сами по себе не создают нового текста. Вербальный текст в этом случае остается текстом одного автора. Такой текст может быть репликой диалога, частью диалога, но не целым диалогом.

В то же время в диалоге создается диалогический текст, который устроен принципиально иначе, чем монологический. Для нас наиболее существенно, что диалогическая речь, обслуживая процесс диалогического общения, всегда позволяет фиксировать границы между высказываниями, между голосами. В диалогической речи всегда есть средства для соотнесения голосов, пониманий. И это вполне понятно не только для участников диалога, каждый из которых отличает свою речь от чужой. Но это также очевидно и для того, кто воспринимает, слушает диалог.

И с этой точки зрения подлинный диалог – это, конечно, вербальный диалог. А все другие формы общения не создают диалогического текста и, по сути, не являются формами диалогического общения.

Сказанное о внешнем диалоге в полной мере относится и к внутреннему, в котором индивид на свою собственную речь реагирует

как на чужую, добавляя к произнесенному высказыванию новое, диалогически ориентированное. Как было показано, текст внутреннего диалога оказывается неотличимым от текста внешнего диалога, в котором стерты акустические особенности голосов [5].

Диалогическое общение как взаимодействие не только создает текст диалога, но оно в каждый момент своего осуществления этим текстом опосредствовано. Каждый говорящий строит текст диалога с учетом всего ранее сказанного и им самим, и его партнерами исходя из всего текста, созданного к данному моменту. Говорящий никогда не реагирует на отдельное слово. Каждое высказывание достраивает текст до нового целого.

Говорящий произносит свою речь, затем он слышит речь другого, который произносит свою речь с учетом сказанного. Этот другой реагирует на наличную речь как на речь, чужую для себя, соглашается, уточняет, отрицает. В его высказывании обязательно есть отношение к чужой для него речи первого, есть дистанция, реакция на речь.

Теперь для первого есть уже текст, состоящий из двух реплик. Слова первого в новом тексте, состоящем из двух высказываний, приобрели некоторый новый смысл. Например, обнаружилось их непонимание или неубедительность или неприемлемость для партнера. И первый произносит новое, третье высказывание. Он продлевает текст. В этом новом тексте его высказывание проясняет, уточняет, развивает его понимание не само по себе, а только через весь к данному моменту произнесенный текст. Понять, что говорит первый из партнеров, можно, лишь понимая, учитывая все, что он сказал (т.е. и первое, и третье высказывание), но обязательно придется учитывать и слова партнера. Ведь третье высказывание произносилось как реакция на текст, получившийся в результате прибавления к первому высказыванию высказывания второго партнера.

Особенно существенно, что созданный текст диалога остается диалогом не только для его участников, но и для некоторого третьего лица, скажем, постороннего слушателя или читателя. Этот слушатель легко различает собеседников, их позиции и отношения между ними. Это значит, что диалогический текст как бы является речевой формой, позволяющей сосуществовать в одном тексте двум голосам, двум

пониманиям, двум сознаниям. Произнесенные слова образуют единый текст, но при этом голоса участников не смешиваются. Наоборот, именно в этом объединении произносимых партнерами слов и обнаруживаются, и закрепляются различия выражаемых ими смысловых позиций. Диалогический текст – это и способ, и форма сосуществования и взаимодействия сознаний участников диалога. Своеобразие каждого голоса выявляется только через сопоставление его с другим.

За счет чего строится диалогический текст? Как отмечалось, в отличие от монологического диалогический текст строится двухголосым словом. Диалогические отношения между высказываниями создаются за счет отношения к чужому слову, к чужому высказыванию. В монологическом тексте есть только предметно-смысловое содержание, есть логические связи и отношения между элементами текста, есть тон, акцент, интонация, оценка того, о чем говорится, т.е. авторское отношение к тому, о чем идет речь (одобрение, радость, недоумение, восхищение, удивление и т.п.), но нет равноценного чужого слова. И нет отношения к чужому самостоятельному слову, нет двух равноценных голосов, нет ориентации на чужое слово. Монологическое одnogолосое слово произносится так, словно иного равноценного слова не существует. Двухголосье означает, что слово говорящего строится так, чтобы выразить и отношение к предмету, о котором идет речь, и отношение к чужому слову.

Интересно, что автор монологического текста может в свой текст включить слова другого. Всем известная речевая конструкция типа «прямая речь» – один из способов такого включения. Но существенно, что в монологическом тексте слово – это лишь материал, которым автор пользуется для реализации своего авторского замысла. В таком тексте нет второго самостоятельного голоса и нет второго высказывания. Есть один автор, один голос, одно понимание и есть авторское восприятие чужого голоса, представление о нем, но нет этого самостоятельного второго голоса равноценного авторскому. Эти нюансы отношений между собственной речью говорящего и чужой для него речью партнера, как отмечалось, точно описаны Бахтиным.

Выделим еще одно важное обстоятельство. Двухголосье и способность создавать диалогический

текст – очень важное приобретение для личности. Это важный инструмент, с одной стороны, взаимодействия с другими партнерами, а с другой – автономии личности. Действительно, если бы слова собеседника проникали в сознание слушающего и сливались с его собственными словами, то слушающий чужую речь не смог бы контролировать свое сознание. А способность построить диалогический текст – это и есть способность воспроизвести в тексте и свою, и чужую речь, но, сохранив границу между ними, сохранив, обозначив дистанцию по отношению к чужой речи. Очень показательны в этом отношении материалы исследования того, как после совместного решения сложной мыслительной задачи в условиях непосредственного речевого общения партнеры пересказывают то, о чем они говорили во время совместного решения. Очевидный факт: самый сложный диалог может достаточно полно воспроизводиться по типу: «Я сказал...» «Он сказал...» и т.д. При желании можно попросить испытуемого передать только его собственные слова или только слова партнера.

Сопоставляя монологические и диалогические тексты, их различие очевидно. Монологический текст создается одним сложно организованным высказыванием и его материал – одnogолосое слово, т.е. слово, не знающее о существовании другого равноценного слова. Одnogолосое слово знает только свой предмет, то, на что оно направлено. Диалогический текст образуют минимум два диалогически соотношенные высказывания, каждое из которых построено из материала двухголосых слов, т.е. слов, которые ориентированы и на предмет, и на чужие слова. Такое слово используется для того, чтобы выразить авторское восприятие и понимание предмета, и одновременно, авторское отношение к чужому слову, согласие с ним или его отрицание и т.п.

Сознания без знаков не существует. Сознание – это сфера значений и смыслов некоторой совокупности знаков, организованных в виде текста. Этот текст порождается в процессе общения и отражает его специфику, о чем лучше всего говорит сопоставление диалогического и монологического текстов. Каждый из выделенных типов текстов определяет соответствующую ему форму сознания. Монологический текст является основой и выражением монологического сознания, для которого

характерно одно видение, понимание осознаваемого предмета, а диалогический текст — это основа целостного диалогического сознания субъектов реального диалога. В сознании каждого собеседника представлено не менее двух смысловых позиций — собственная и чужая, развиваемая партнером по диалогу. Кроме того, диалогический текст — основа диалогического сознания субъекта внутреннего диалога. Диалогическое сознание индивида возможно лишь потому, что существует диалогический текст, который создан несколькими партнерами (внешний диалог) или одним говорящим, как в случае внутреннего диалога.

Понятно, что диалогический минимум, единицу диалогического общения составляет не одно, а, как минимум, два диалогически соотносенных высказывания. Соответственно, минимальный диалогический текст содержит два высказывания, объединенных в единое целое, в единый текст, как, например, вопрос и ответ [2; 3; 5; 6].

Для более глубокого понимания сути диалогического текста следует различать его глубинную и поверхностную структуры. Поверхностная структура диалогического текста — это последовательность образующих его реплик. При этом реплика понимается как фрагмент речи одного говорящего, отграниченный речью другого говорящего. Смена говорящего — это и есть граница реплики. В рассмотренном ранее случае диалога, образованного собеседниками с похожими по звучанию голосами, проблема как раз и состояла в том, чтобы выявить поверхностную структуру диалога, точно определить, какие слова произнес один, а какие — другой.

Вместе с тем понятно, что единицей общения Бахтин считал высказывание, которое обладает адресованностью и завершенностью, что позволяет занять по отношению к нему ответную смысловую позицию. Легко убедиться, что далеко не всегда в диалогическом тексте высказывания совпадают с репликами. Между высказываниями и репликами возможны различные соотношения. Например, в некоторых случаях завершенность выражаемого содержания может быть достигнута лишь с помощью нескольких высказываний, если партнер сочтет, что сказанного для понимания недостаточно. Или, напротив, в одной реплике иногда можно обнаружить несколько высказываний, диалогически

соотнесенных друг с другом, которые превращают реплику внешнего диалога в настоящий внутренний диалог.

Как уже отмечалось, высказывание выражает смысловую позицию говорящего по обсуждаемому вопросу. Но все богатство содержания сознания не может быть выражено одним высказыванием. Это означает, что все сознание в целом определяет характер каждого высказывания, но одно конкретное высказывание выражает один определенный аспект смысловой позиции, представленной данным сознанием. По этой причине одна и та же смысловая позиция, но в разных аспектах может выражаться не одним, а несколькими высказываниями, т.е. с каждым высказыванием смысловая позиция будет представлена все более и более полно. Вместе с тем существование диалогического сознания означает, что разные высказывания одного и того же говорящего могут выражать не только разные аспекты одной и той же смысловой позиции говорящего, но и разные смысловые позиции, присущие его сознанию. В один момент общения будет высказана одна смысловая позиция, в иной — другая. Это обстоятельство — существование диалогического сознания, внутреннего диалога, различных смысловых позиций у одного говорящего по одному и тому же вопросу — существенно усложняет понимание как каждого из участников диалога, так и всего диалога в целом. Следовательно, анализ диалога невозможно свести к формальным однозначным процедурам. Понимание диалогического текста и человека, сознание которого не исчерпывается одной смысловой позицией, представляет особую задачу.

Пытаясь найти ответ на вопрос о субъектах внутреннего диалога, нами рассмотрены в данном качестве два голоса, два понимания, две смысловые позиции, два сознания. Легко представить, что, когда с одним индивидом связывается одно сознание, одно понимание, одну смысловую позицию, все оказывается знакомым, привычным — одно тело, одно сознание, одно поведение. Как только один индивид, одно тело связывается не с одним, а с двумя пониманиями, двумя смысловыми позициями сразу возникает представление о раздвоенности. Иными словами, телесное организменное единство (целостность) индивида навязывает нам представление об аналогичной природе смысловой

целостности личности и ее сознания. В этой ситуации вопрос о формах общения дополняется вопросом о формах сознания. его структурах, предполагает обсуждение проблемы полицентрического сознания.

Разрабатывая феноменологию поведения человека при наличии внутреннего диалога, следует учесть следующее. Действие само по себе монологично. Если у человека есть одно понимание того, что он должен делать, то именно это человек и будет делать. Если же у него будут разные понимания того, что должно быть сделано, то действие будет невозможным. Нельзя одновременно повернуть и налево, и направо. Нельзя одновременно и идти, и стоять. Для того чтобы действие стало возможным, диалогическое сознание должно монологизироваться. В этом случае проблема исчезает. Но все же, как можно представить не вербальное, а предметное поведение человека при наличии различных смысловых позиций, в том числе и взаимоисключающих?

Для феноменологического описания поведения личности при наличии внутреннего диалога, т.е. для описания поведения регулируемого диалогизированным сознанием, нужно дать классификацию участвующих во внутреннем диалоге смысловых позиций личности. Смысловых позиций может быть несколько, но у каждой из них – свои функции и свое влияние на поведение человека. На наш взгляд, прежде всего, следует различать «центральную смысловую позицию» и «периферийные». Центральная смысловая позиция – это та позиция, в соответствии с которой в данный момент времени индивид строит свое поведение. В каждый момент времени центральной может быть только одна смысловая позиция. Периферийных же позиций может быть одна или несколько. Чтобы поведение стало соответствовать одной из периферийных позиций, она должна стать центральной. При этом одна центральная позиция сменится другой. Соответственно изменится поведение человека. Оно станет соответствовать новой центральной смысловой позиции.

Кроме центральной и периферийных можно выделить позицию «доминирующую» (оказывает определяющее влияние на поведение личности) и «подчиненные», а также «актуализированные» (т.е. реально включенные во внутренний диалог) и «потенциальные», которые в данный момент в диалоге и регуляции поведения

не участвуют, но со временем могут актуализироваться. Существенно, что одна и та же позиция личности, как правило, является и «центральной», и «доминирующей», но в особых случаях центральная позиция может оказаться не доминирующей, а подчиненной. Второй случай соответствует, например, поведению личности, которая против своей воли подчиняется галлюцинаторному голосу. Она считает, что делать то, что приказывает ей слышимый голос нельзя, но под влиянием угроз все же совершает внушаемое действие. Предлагаемая типология смысловых позиций личности с учетом выполняемых ими функций позволяет достаточно тонко дифференцировать разнообразные соотношения сознания и поведения личности, как в норме, так и в патологии.

Признание реальности внутреннего диалога приводит к новым проблемам, требующим серьезного анализа. Одной из них является проблема единства, целостности диалогизированного сознания личности, поскольку многие авторы склонны к отождествлению внутреннего диалога с состоянием раздвоенного сознания личности.

На наш взгляд, наличие таких внутренних диалогов, как, например, диалог ребенка с воображаемым собеседником, или диалог во сне, или диалог, разворачивающийся в речи человека, решающего творческую задачу, нельзя отождествлять с состояниями раздвоенного сознания личности. Это проявляется, прежде всего, в единстве темы внутреннего диалога. Все участвующие во внутреннем диалоге смысловые позиции – это разные понимания одной и той же темы. Не менее существенно и то, что образующие внутренний диалог смысловые позиции сонастроены, согласованы, взаимосвязаны.

Таким образом, неверным является отождествление внутреннего диалога и состояний раздвоенности сознания и поведения личности. Возможны внутренние диалоги, при которых личность, как и во внешнем диалоге, сохраняет целостность своей смысловой позиции и основанного на ней поведения. О раздвоенности можно говорить лишь при наличии неоднократных, чередующихся изменений центральной позиции личности во внутреннем диалоге, а также в случае отчуждения каких-либо смысловых позиций и основанных на них форм речевого или неречевого поведения до уровня психического автоматизма.

Очевидно, что наличие внутреннего диалога свидетельствует в пользу полицентрической модели единого, целостного сознания личности. Внутренний диалог является способом функционирования полицентрического сознания, которое предполагает взаимодействие не одного, а двух или нескольких относительно автономных смыслопорождающих центров в сознании личности. Отметим, что это не противоречит признанию наличия у личности различных сознаний при отсутствии объединяющего их внутреннего диалога (феномены «множественной личности» и др.).

Выводы:

1. Проведенное исследование подтверждает важность методологического анализа проблемы речевого общения, в частности, выбора способа анализа речевого общения по единицам. Такой анализ позволяет реализовать единый подход к исследованию общения человека с другим человеком и его общению с самим собой, показать, что по своим формам и своему содержанию речевое общение индивида с самим собой (общение, создаваемое речью одного говорящего) может ничем существенным не отличаться от речевого общения двух индивидов, равно как и то, что многообразие форм общения человека с самим собой не уступает многообразию форм речевого общения реальных собеседников. Только признание существования аутообщения, в том числе и в форме внутреннего диалога, позволяет действительно реализовать намеченный Б.Ф. Ломовым подход к «общению» как важнейшей общепсихологической категории [6].

2. Очевидно, что существует целая система взаимосвязанных понятий, используемых при исследовании речевого общения. Дело не в том, существует или не существует внутренний диалог, а в том, что его признание заставляет перестраивать все наши представления о речевом общении, диалоге, монологе, внутренней речи, аутообщении, речевой форме умственного действия, мышлении и т.д. В частности, принципиальное значение приобретает вопрос о субъекте диалога, особенно о субъектах внутреннего диалога. Для Бахтина субъект диалога — это «говорящее бытие», т.е. не телесность, внешность, и не текст как некоторая высказанность, завершенность. Вопрос о субъекте диалога — это, фактически, вопрос о формах и

способах воспроизведения чужой речи, чужой смысловой позиции говорящим. Чужая речь, чужая смысловая позиция строятся из присвоенного материала чужих слов и отчуждаемого материала собственной речи. Вербальные галлюцинации, речь во сне, речь человека, вовлеченного в творческий процесс решения сложной мыслительной задачи, подтверждают, что это возможно.

3. Вопрос о субъекте диалога неотделим от проблемы полицентрического или диалогизированного сознания индивида. В течение всего диалога каждый участник должен не только иметь свою смысловую позицию, но одновременно он должен обладать способностью достаточно адекватно воспроизводить позицию своего партнера. Понятно, что это воспроизведение чужой речи, чужой смысловой позиции возможно и вне непосредственного контакта с партнером. Воспроизведение индивидом чужой смысловой позиции и является одним из механизмов существования его диалогизированного сознания.

4. Внутренний диалог — одна из форм проявления диалогизированного сознания, взаимодействия образующих его смысловых позиций, в то время как материальной основой, носителем диалогизированного сознания и внутреннего диалога является диалогический текст.

5. Наличие у индивида сложных форм общения вне его непосредственного взаимодействия с другими реальными партнерами позволяет рассматривать общение как процесс непрерывный, обеспечивающий не только постоянное социальное влияние на индивида, но и защиту индивида от этого влияния, его определенную автономию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский // Собр. соч. в 6 т. Т. 2: Проблемы общей психологии. — М.: Педагогика, 1982.
2. Волошинов, В.Н. (М.М. Бахтин). Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке / В.Н. Волошинов. — М.: Лабиринт, 1993.
3. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. — М.: Искусство, 1979.
4. Кучинский, Г.М. Психология внутреннего диалога / Г.М. Кучинский. — Минск: Университетское, 1988.
5. Кучинский, Г.М. Диалог и мышление / Г.М. Кучинский. — М.: Изд-во БГУ, 1983.
6. Ломов, Б.Ф. Проблема общения в психологии / Б.Ф. Ломов // Проблема общения в психологии. — М.: Наука, 1981.